

А. В. Погорелая

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА БОРИСА СЛУЦКОГО

В статье рассматриваются некоторые особенности поэтического языка «народной поэзии» (И. Эренбург) Б. Слуцкого, обусловленные ассимиляцией «прозы жизни» в поэзию. Материалом исследования послужили стихотворения поэта 1950–1970 годов. Утверждение поэтом ценности человеческой жизни в русле гуманистической традиции русской литературы выражается самобытными способами описания, противостоящими традиционной гладкости стиха.

Ключевые слова: поэзия соцреализма, стиль, стих, проза, Слуцкий.

A. V. Pogorelaya

THE FEATURES OF BORIS SLUTSKY'S POETIC LANGUAGE

In this article we analyze some features of poetic language of the 'folk poetry' (the term by I. Erenburg) of B. Slutsky, which are caused by the assimilation of 'life prose' into verse. As a basis we use 1950-1970 poems by Slutsky. Despite the claim of the value of human life in line with the humanistic tradition of Russian literature, he looks toward the original ways of description trying to escape the smoothness of the rhythm.

Key words: poetry of Socialist Realism, style, verse, prose, Slutsky.

Борис Слуцкий обращается к поэзии в эпоху совершенно непоэтическую. Литература идеологизируется, на первый план выходит ее соответствие требованиям общественной полезности, а значимость «содержания» приходит на смену важности «формы». Путь, который находит поэт в такой ситуации, - сближение поэзии с прозой. Он словно «маскирует» ее природную лиричность, в то же время обращаясь к злободневным проблемам своего времени.

Творчество Слуцкого критики характеризовали и характеризуют по-разному и рассматривают с разных точек зрения, но многие отмечают, что Слуцкий был поэтом своего времени и неразрывно с ним связан. Он из тех поэтов, пишет Илья Фаликов, «для которых категория времени существует безусловно и принимается как императив. Зависимость от времени определяет и нынешнюю судьбу его поэзии — именно поэзии, а не наследия» (Фаликов, 2000, с. 62).

Эта приверженность времени не только не растворила Слуцкого среди огромного количества других поэтов, но, наоборот, выявила его индивидуальный способ выражения мысли и видения мира: «Он еще не вошел в литературу, но художнически уже самоопределился: с самого начала у него та самая поэтика, которой он будет навсегда верен, как однолюб — первой, да так и оставшейся единственной, любви. Ему не пришлось тратить годы, чтобы выработать свой стиль: он присущ его личности» (Левитина, 2010, с.205). Тут всё своё — и видение, и способы выражения. Поэт и сам это сознавал:

Собственную жилу промывал.

Личный штамп имел. Свое клеймо.

Собственного почерка письмо.

Замечу, что одним из признаков самобытности стиля можно назвать появление пародий на произведение. На стихи Бориса Слуцкого они появлялись в разное время. Еще в 1970 году, после того, как Слуцкий опубликовал сборник «Современные истории», в «Литературной газете» появилась пародия «Лесная история». В настоящее время их известно более десятка,

на разные стихи. Во многих из них пародисты говорят именно о том свойстве поэта, который отмечен выше. Так, Александр Иванов в пародии «Как я стал поэтом» пишет:

*Оказывается, есть порядок
в расположении строф и строк.
Стих не должен быть гладок.
Вот так. Самый сок (Иванов, 1983, с. 150).*

Эта мысль пародистов совпадает с утверждением Эренбурга, сделанным 28 июля 1956 в «Литературной газете». В статье «О стихах Бориса Слуцкого», приведя строки из «Кёльнской ямы», Эренбург пишет: *«Неуклюжесть приведенных строк, которая потребовала большого мастерства, позволила Слуцкому поэтично передать то страшное, что было бы оскорбительным, кощунственным, изложенное в гладком стихе аккуратно литературными словами»* (Эренбург, 2005, с. 11).

Поэт использует солдатский жаргон тех лет, просторечия, канцеляризм. Перебои ритма и недосказанная, оборванная или намеренно нескладная фраза – всё это от современного ему говора улицы. Как правило, Борис Слуцкий обращается к тому самому обыденному, тому, что не укладывается в утвердившуюся «норму» поэтического. Особенности его поэтической манеры можно назвать обилие «прозаизмов», тяготение к «маяковскому» стиху, риторичность, декларативность. Он стремится воспроизвести «натуру» непосредственно – вполне будничную, скорее даже примелькавшуюся. И если способную в какой-то мере привлечь внимание читателя, то как раз отсутствием привычных и закрепленных традицией «примет» поэтического.

Рассмотрим первое четверостишие стихотворения «Грязная чайка» 1975 года. Уже в названии сталкиваются поэтический образ чайки, получивший символическое значение в русской литературе после чеховской пьесы, и неожиданный эпитет «грязный» из непоэтического словаря, цепляющий внимание читателя за счет деформации образа птицы, ниже названной «белая птица господня».

*Гонимая
передвиженья зудом,
летающая
здесь же, недалеко,
чайка,
испачканная мазутом,
продемонстрировала
брюшко. (Слуцкий, 1991, Т. 3, с. 16).*

На лексическом уровне в этой строфе сочетаются традиционно поэтические слова «гонимая – летающая – чайка» и непоэтические «мазут – брюшко – продемонстрировала». Причем, если «мазут» – нейтральное по эмоциональной окраске и точное, как в прозе, обозначение реалии, то «брюшко» – не менее точное, но эмоционально окрашенное слово разговорного стиля; а «продемонстрировала» – вызывает ассоциации с официально-деловым стилем. Примечательно, что эта, первая, строфа стихотворения написана лесенкой, в то время как все последующие – традиционно. И лишь в последних строках поэт снова использует лесенку, акцентируя рифму «она» – «зачернена». В таком графическом оформлении первой строфы визуально выделяются три слова-стиха «гонимая летающая чайка», превращаясь в выражение, структурно оформляющее стихотворение в целом. И еще одна особенность поэтики: пяти-стопный ямб с тремя ударениями первой строчки («Гонимая / передвиженья зудом») сменяется трехдольником во второй и третьей и двудольником в четвертой. Таким образом, Слуцкий в первой строке задает инерцию восприятия силлабо-тонического стиха и тут же ее ломает. То есть на уровне лексики, образности и метрики он сталкивает традиционно поэтические начала и начала, их разрушающие.

Среди стиливых особенностей поэзии Слуцкого можно выделить следующие:

1. Разговорная, порой даже сказовая манера («Как убивали мою бабу? / Мою бабу убивали так: / утром к зданию горбанка / подошел танк...»)

2. Широкое обыгрывание фразеологических оборотов («Сколько стоит фунт лиха? / Столько, сколько фунт хлеба / Если голод бродит тихо / Сзади, спереди, справа, слева...»)
3. Вольная трансформация пословиц («Давайте после драки / Помашем кулаками»)
4. Частые обращения к читателям («Отбывайте, ребята, стаж, / Добывайте, ребята, опыт...»)
5. Совмещение, на первый взгляд даже неуместное, просторечного и высокого стилей («Не выдал бог, свинья не съела, / и не рассталось ни на миг / с душою трепетное тело...»).

Наиболее характерными для Бориса Слуцкого способами формирования эстетического значения текстовых единиц является также использование фонетико-графических средств воздействия на читателя:

1. эвфонии, приемов звукописи, фоносемантизации слов, нарушения орфографического облика слова («пристальность пытлиую не пряча», «невывразимым взглядом она в окно глядела»);
2. использование экспрессивно окрашенных единиц («книжица поэта», «здрав башку», «в блиндажике сидим», «твердые квадратики фото», «пальтишках мышинных», «Пивко ему подкиросинь / и дай копченок. / Я не люблю растяп, разинь, / в очках ученых»);
3. создание и активное использование окказионализмов («мочеполовая спиртоводочность», «автомотофотохолодильник» «темноглубизной синяков»), позволяющих в экономичной словесной форме выразить сложное эстетическое значение.

Среди особенностей поэтики Слуцкого следует отметить также своего рода состыковку повторных ладов, которая появляется у поэта еще в одном из самых ранних стихотворений «Память» (1957):

Я носил ордена.

После - планки носил.

После - просто следы этих планок носил,

А потом гимнастёрку до дыр износил

И надел заурядный пиджак.

А вдова Ковалёва всё помнит о нём,

И дорожки от слёз - это память о нём... (Слуцкий, 1991, Т.1, с. 113).

Отсутствие каких-либо традиционных поэтических образов, средств выражения или сложных рифмовок, замещается удлинением периода и повторами в конце стиха: «носил – носил - износил».

Или другой пример из сборника 1957 года «Память»:

Камуфлированный человеком

И одетый, как человек,

Вдруг почувствовал, как по векам

В первый раз за тот полувек... (Слуцкий, 1991, Т.1, с. 175).

Простыми поэтическими средствами повтора Слуцкий усиливает воздействие стиха, создавая глубокие и точные рифмы.

Эренбург очень точно определяет одну из особенностей гражданской лирики Слуцкого. «Слово «лирика», – пишет он, – в литературном просторечье потеряло свой смысл: лирикой стали называть стихи о любви. Такой лирики у Слуцкого нет (...). Однако все его стихи чрезвычайно лиричны, рождены душевным волнением, и о драмах своих соотечественников он говорит как о пережитом им лично». (Эренбург, 2005, с. 13).

Достоверность и правдивость текста волновали Слуцкого, сделавшего своей главной темой войну, пройденную и пережитую им с 1941 по 1946 гг. в должности сначала секретаря, затем военного следователя и политрука. Этот факт важен еще и потому, что еще одной из характернейших черт поэтики Бориса Слуцкого является жалость, или даже жалостливость, как назвал ее в своих записках Давид Самойлов: «жалостливость почти бабья сочетается с внешней угловатостью и резкостью строки... Гипс на ране – вот поэтика Слуцкого» (Самойлов, 1995, с. 168). Эту самую жалость поэт испытывает и к тем, кто отсиделся в тылу во время войны, и к тем, кто воевал.

*Мне не хватало широты души,
Чтоб всех жалеть.
Я экономил жалость
Для вас, бойцы,
Для вас, карандаши, вы, спички-палочки (так это называлось),
Я вас жалел, а немцев не жалел...* (Слуцкий, 1991, Т.1, с. 367).

Однако, жалость поэта, несмотря на ее отрицание, остается, даже к врагам. Переделывая лозунг Горького, Борис Слуцкий скажет: *«Если враг не сдается, его не уничтожают. Его пленяют. Его сажают в большой и чистый лагерь. И заставляют работать восемь часов в день – не больше»* (Горелик, 2009, с. 335).

К поэзии Бориса Слуцкого, с некоторой оговоркой, можно отнести мысль М. Н. Виролайнен: *«Когда поэтический мир размыкает свои границы, начинает говорить на одном языке с остальной культурой и, утрачивая автономию, обретает свои предметы и значения во внеположенном поэзии мировом пространстве, эпоха «Золотого века» кончается»* (Виролайнен, 2011, с. 39). Борис Слуцкий отдален от эпохи «Золотого века» временными рамками и в своих произведениях сталкивает традиционные нормы и тенденции их разрушающие. Однако, в русле гуманистической традиции русской литературы, он утверждает ценность каждой минуты человеческой жизни, и, стремясь уйти от гладкости стиха, ищет свои собственные способы выражения.

Литература

1. Виролайнен М. Н., 2011. «Золотой век» как литературный феномен // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха и русский литературный канон. Ч. 1., Тарту.: Тартусский университет. С. 32–39.
2. Горелик П., Елисеев Н., 2009. Н. По течению и против течения (Борис Слуцкий: жизнь и творчество). М. : Новое литературное обозрение.
3. Иванов А. А., 1983. Плоды вдохновения. М. : Советский писатель.
4. Левитина В., 2010. Так начинался. Воспоминания о Борисе Слуцком // Дружба Народов. № 5. С. 203–217.
5. Самойлов Д., 1995. Памятные записки. М. : Международные отношения.
6. Слуцкий Б. А., 1991. Собрание сочинений: В 3 т. / Вступ. ст., сост. с науч. подг. текста, коммент. Ю. Болдырева. М.: Художественная литература.
7. Фаликов И., 2000. Красноречие по-слуцки // Вопросы литературы. № 2. С. 62–110.
8. Эренбург И.Г., 2005. О стихах Бориса Слуцкого / Борис Слуцкий: воспоминания современников. СПб.: Журнал «Нева». С. 9–20